

UNITED WISDOM

Ньяя: средства достоверного познания

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-21-N03 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Ньяя: средства достоверного познания

Представим условную сцену. В рабочем чате появляется сообщение: важный партнёр собирается отказаться от проекта. Один участник сам говорил с партнёром. Другой видел, что тот отменил встречу. Третий слышал пересказ от знакомого. Через несколько минут все обсуждают отказ как установленный факт. Однако за общей уверенностью стоят три разных пути к выводу, и ни один ещё не был проверен.

Можно спросить: кто прав? Но прежде полезнее другой вопрос: каким образом каждый получил своё знание? Именно к этому устройству внимания близка ньяя — индийская философская традиция, исследующая средства достоверного познания.

О чём эта статья. Мы познакомимся с четырьмя праманами ньяи: восприятием, выводом, сравнением и достоверным свидетельством. Рассмотрим, почему уверенность ещё не является знанием, почему доверие не нужно противопоставлять проверке и зачем аргумент должен оставаться доступным оппоненту. Ньяя не тождественна современной эмпирической науке: её эпистемология существует вместе с реалистической метафизикой и религиозной целью освобождения. Жизненные примеры ниже — наше ограниченное современное применение, а не иллюстрации, найденные в древнем тексте.

1. Знать — не только чувствовать уверенность

В «Ньяя-сутрах» I.1.3 перечисляются восприятие, вывод, сравнение и словесное свидетельство как средства достоверного познания. Прамана обозначает действительный источник верного познания; ошибочный процесс может лишь выглядеть как такой источник. Стивен Филлипс подчёркивает эту успешную, фактивную грамматику термина: не всякое переживание, называемое нами восприятием или свидетельством, отвечает его техническому смыслу. Филлипс, «Epistemology in Classical Indian Philosophy», §1.1; «Ньяя-сутры», I.1.3, перевод ван Бейлерта, с.13.

Для современного читателя важно не сделать из этого круг: «правильное знание правильно, поэтому спрашивать больше нечего». Основной вопрос как раз остаётся: что позволило данному утверждению возникнуть и нет ли оснований подозревать сбой? Название источника не освобождает от исследования его действительной работы.

Условный участник чата говорит: «Я совершенно уверен, что партнёр ушёл». Уверенность описывает его отношение к мысли. Она ещё не показывает путь к факту.

Возможно, человек услышал прямое сообщение. Возможно, он настолько часто повторял предположение, что перестал помнить его происхождение. Для следующего решения это существенная разница.

Так же нужно отличать удачную догадку от обоснованного знания. Если человек предположил отказ без основания, а отказ действительно состоялся, совпадение не превращает всякий будущий вывод этого человека в надёжный. Мы можем признать, что он угадал, и всё же проверить, как следует действовать дальше. Успех одного предсказания не объясняет сам себя.

Это различение иногда воспринимается как недоверие к личности. Но вопрос «на чём основано утверждение?» направлен на утверждение. Он может помочь и самому говорящему понять пределы своей уверенности. В хорошем разговоре проверка происхождения мысли не обязана звучать как обвинение. У неё есть более спокойная форма: «Это прямое сообщение, твой вывод или пересказ? От ответа зависит наше следующее действие».

2. Восприятие: что было дано и что было добавлено

«Ньяя-сутры» I.1.4 описывают восприятие через связь органов чувств с объектом и отличают его от ошибки и сомнения. В позднейших обсуждениях уточняется роль понятий и внутреннего органа, манаса. Историческая ньяя защищает реализм: познание обращено к объектам, которые существуют независимо от нашей мысли о них. Мэттью Дасти, «Nyāya», §1a.

Применение этой темы к нашему условному чату начинается с небольшой правки языка. «Я видел, что партнёр отказывается» может означать: человек видел уведомление об отмене встречи и сделал вывод об отказе. Само уведомление и его значение для всего проекта — разные предметы. Отмена действительно наблюдалась. Намерение отказаться ещё требуется установить.

В повседневной речи мы часто объединяем их без злого умысла. «Он посмотрел сердито» соединяет выражение лица с интерпретацией чувства; «она меня проигнорировала» соединяет отсутствие ответа с предполагаемым намерением; «все согласны» может опираться на то, что никто не возразил. Такие объединения удобны, пока не становятся единственным основанием важного действия.

Условная участница разговора заметила, что коллега молчал на встрече. Она может сказать: «Я видела, что он не выступил», а затем отдельно: «Я предположила, что он против». Эта формулировка не запрещает предположение. Она делает его доступным для проверки. Возможно, коллега действительно против. Возможно, он не успел, плохо

слышал или считал вопрос решённым. Проверка не обязана привести к приятному ответу; она должна привести к более определённому.

Не нужно из этого делать требование говорить только стерильными описаниями. В обычной жизни интерпретации неизбежны и полезны. Вопрос заключается в цене ошибки и возможности коррекции. Чем значимее вывод, тем полезнее видеть, какую часть содержания дал наблюдаемый эпизод, а какую мы внесли в него сами. Это наша современная практическая формулировка, а не полное определение восприятия ньяи.

3. Вывод: мост должен выдерживать переход

Вывод, анумана, позволяет узнать ненаблюдаемое через признак, связанный с ним. Классический пример — огонь, заключаемый по дыму. Для вывода требуется не просто присутствие признака, но обоснованная связь между ним и заключением, вьяпти. Учебное изложение Г. Ведапараяны приводит этот пример и различает вывод для себя и аргумент для другого. Ведапараяна, «The nyāya system», §4.

Наш условный вывод «встреча отменена, значит, проект завершён» слишком быстро переходит от признака к итогу. Отмена может сопровождать отказ, но возникает и при переносе срока, болезни, технической проблеме. Чтобы считать её достаточным признаком, пришлось бы исключить существенные альтернативы или получить дополнительные сведения. Одной узнаваемой связи мало.

Здесь полезно различать связь и исключительность связи. Условный сотрудник часто поздно отвечает, когда занят. Из этого не следует, что любой поздний ответ доказывает занятость. И тем более не следует, что поздний ответ другого человека имеет ту же причину. Похожая ситуация не гарантирует одинаковый источник.

Возражение: мы не можем проверить все альтернативы, иначе никогда не действуем. Это верно. Современное решение часто принимается при неполных сведениях. Но тогда нужно соответствующее описание: «Мы считаем отказ вероятным и готовим запасной вариант», а не «Отказ установлен». Разница позволяет сохранять обратимость и обновлять решение при новом сообщении.

Условная команда может одновременно написать партнёру уточнение и подготовить резервный план. Для такого действия не требуется притворяться, будто предположение стало знанием. Оно достаточно серьёзно, чтобы к нему подготовиться, и недостаточно определённо, чтобы объявлять факт всем участникам.

Таким образом, проверка вывода не обязана заканчивать дело параличом. Она связывает силу заключения с силой основания. Если переход пока слаб, можно

уменьшить масштаб утверждения, собрать сведения или выбрать действие, которое остаётся разумным при нескольких возможных ответах.

Направление связи имеет значение. Даже если принять правило «там, где есть дым, есть огонь», обратное правило ещё не получено: отсутствие видимого дыма не исключает всякого огня. Переставить признак и доказываемое свойство — самостоятельный переход. В современном условном примере успешный проект может иметь подготовленный бюджет, но наличие бюджета не гарантирует успеха. Если забыть направление, необходимое условие незаметно превращается в достаточное.

Есть и различие между ошибкой правила и ошибкой установления признака. Человек видит белое облако над зданием и принимает его за дым. Даже хорошее правило не исправит неверную исходную классификацию. Другой действительно видит дым, но связывает его с конкретным помещением, хотя источник находится рядом. Тогда сбой относится к месту признака. Третий правильно установил и дым, и место, но делает лишний вывод о причине возгорания. Каждый случай требует своей проверки.

Это различение не является современной проверкой древнего примера экспериментом. Оно раскрывает логическую работу, которую должен выполнить переход от наблюдаемого к ненаблюдаемому. Сильный аргумент состоит не из одного узнаваемого признака, а из точно названного предмета, обоснованной связи и допустимого вывода. Когда одна часть меняется, остальные нельзя автоматически сохранить.

4. Сравнение: узнавание имеет собственную границу

Упамана в ньяе — особый путь, связанный, в частности, с узнаванием объекта по ранее сообщённому сходству и освоением связи слова с предметом. Филлипс показывает, что это техническое понятие не равнозначно любому аргументу «раз похоже, значит, одинаково». Филлипс, «Epistemology in Classical Indian Philosophy», §7.1.

Современная аналогия полезна именно тогда, когда ясно, какую задачу она решает. Условному новичку показывают два документа и объясняют, что новый похож на знакомый по устройству разделов. Он узнаёт формат и быстрее находит нужное поле. Однако сходство разделов ещё не доказывает одинаковых условий договора. Чтобы узнать условия, текст требуется прочитать.

Ещё один условный пример: человек описывает своё состояние как «будто всё время сдаю экзамен». Образ помогает другому приблизиться к смыслу переживания. Но он не устанавливает, что у человека буквально та же ситуация, что у студента перед проверкой. Можно спросить: что именно похоже — ожидание оценки, страх ошибки, отсутствие ясных критериев? Сравнение становится полезнее после уточнения, а не после расширения до всех деталей.

Это касается и самой философской статьи. Мы используем чат, письмо и рабочую встречу, чтобы сделать понятными вопросы о знании. Такие сцены не доказывают ньяю. Они показывают, где современному читателю знакома проблема перехода от основания к выводу. Если забыть эту границу, аналогия станет подменой аргумента.

Можно добровольно проверить любимое сравнение: выписать один существенный общий признак и одно существенное различие. Например, организация действительно похожа на организм взаимозависимостью функций, но у её участников есть самостоятельные права, которых у органов тела нет. Различие не уничтожает всякую пользу образа. Оно прекращает его действие в том месте, где образ уже пытается решить за нас вопрос, к которому не относится.

Хорошее сравнение не обязано охватывать всё. Ему достаточно сделать точнее одну связь и оставить остальные открытыми.

Чтобы увидеть техническую задачу упаманы яснее, полезно вернуться к примеру, разобранному Филлипсом. Человек слышит от знатока, что животное гавая похоже на корову. Позднее он встречает соответствующее животное и связывает увиденный предмет со словом, которое прежде знал только по описанию. Филлипс, §7.1. Добытое знание касается значения и употребления слова, а не всех свойств животного.

Почему этот случай не сводится к свободной поэтической аналогии? Потому что его результат определён: новое слово получает предметную связь. Услышанное описание, сохранённое в памяти, и распознанное сходство работают вместе. Если человек ошибочно усвоил название, дальнейшая уверенность не исправляет ошибки автоматически. Если ему сказали только «похож на корову», сходство ещё нужно соотнести с конкретным классом, а не объявить всякое похожее животное подходящим.

Наш пример с документом гораздо слабее и шире исторической задачи. Он напоминает об ограничении аналогии, но не является точным воспроизведением упаманы. Это различие делает классификацию содержательной: средства познания разделяются по той работе, которую выполняют. Если назвать сравнением любое знакомое сходство, четвёрка праман превратится в перечень общих умственных привычек и потеряет свой философский смысл.

5. Свидетельство: знать через другого — нормальная возможность

Шабда, достоверное свидетельство, не является для ньяи слабой заменой личному опыту. Оно имеет самостоятельное значение. В «Ньяя-сутрах» I.1.7 речь идёт о сообщении компетентного, надёжного говорящего; Ватсьяяна связывает такую надёжность со знанием предмета и намерением передать его без искажения. Дасти, «Nyāya», §1d.

Современному человеку невозможно лично наблюдать всё, на чём основана его жизнь. Мы знаем расписание по сообщению перевозчика, узнаём обстоятельства встречи от участника, пользуемся трудами исследователей. Полное недоверие к свидетельству не делает нас самостоятельнее: оно лишает доступа к знаниям, которые по своему устройству получаются через других.

Но доверие не безразлично к области. Условный хороший друг может честно рассказать, что видел, и плохо оценить юридический смысл документа. Его искренность не превращает мнение в экспертное заключение. Условный эксперт может знать предмет и сообщить лишь часть сведений из-за личного интереса. Компетентность и добросовестность требуют отдельных вопросов.

В нашем чате человек слышал прямой разговор с партнёром. Важно выяснить не только «кому ты веришь», но и «что именно было сказано». Возможно, сообщение звучало как условие: «Если срок не изменится, мы не сможем продолжить». При передаче условие исчезло, и остался окончательный отказ. Тогда источник не обязательно лгал; сбой возник в пересказе.

Есть ещё вопрос времени. Надёжное сообщение о вчерашнем решении не всегда описывает сегодняшнее состояние. Можно сохранить уважение к свидетелю и запросить обновление. Изменение обстоятельств не делает прежний рассказ недобросовестным, но меняет его применимость.

Поэтому полезно доверять предметно: кто сообщает, откуда знает, что именно передаёт, к какому моменту относится сообщение? Такой язык не требует подозревать каждого человека. Он помогает понять, какую работу делает конкретное свидетельство и в каком месте требуется дополнительный источник.

6. Сомнение нуждается в причине и в следующем шаге

Ньяя не предлагает начинать с тотального недоверия ко всему. Сомнение возникает при содержательных основаниях и запускает исследование. В изложении Дасти подчёркивается различие между обычным доверием к работающему источнику и необходимостью проверки при возражении, конфликте сведений или обнаруженном сбое. Дасти, «Nyāya», §§1f.ii,1f.iv.

Это позволяет различить осторожность и бесконечное откладывание. Условный руководитель говорит: «Мы ничего не можем знать окончательно». Фраза формально оставляет возможность ошибки, но не помогает понять, какой информации сейчас недостаёт. Иногда она служит уклонению от решения, хотя данных достаточно для ограниченного обратимого действия.

Другой руководитель перечисляет конкретное сомнение: «Мы знаем, что встреча отменена; не знаем, отменено ли участие. Уточним это до отправки уведомления». Такой вопрос имеет предмет, срок и возможный результат. При любом ответе он меняет дальнейшее действие. Если отказ подтверждается, нужен резервный план. Если речь о переносе, нужно согласовать время. Если ответа нет, команда принимает решение с явно сохранённой неопределённостью.

Можно спросить, не слишком ли практичен такой взгляд. Ведь философское сомнение иногда относится к самому устройству знания. Да, оно может быть радикальнее задачи чата. Но наш пример относится к жизненному использованию идеи и не исчерпывает философский спор. Он показывает, почему слово «сомнение» не должно маскировать отсутствие определённого вопроса.

У каждого человека есть право не отвечать немедленно. Важно лишь различать паузу для понимания и утверждение, что любое решение навсегда невозможно. В конкретной задаче можно обозначить: «Мне нужно проверить одно сообщение», «Я пока не понимаю критерий», «Эта информация не изменит выбор». Тогда сомнение становится частью работы, а не бесконечным состоянием, которому нельзя предъявить никакого результата.

7. Аргумент для другого должен оставлять ему возможность проверки

Ньяя использует известную пятичастную форму публичного аргумента: тезис, основание, правило с примером, применение и вывод. В учебном изложении Ведапараяны она показана на огне и дыме. Форма служит объяснению связи, а не украшению речи санскритскими терминами. Ведапараяна, «The nyāya system», §4.

В современном разговоре необязательно превращать каждую просьбу в пять строк. Но полезно видеть, какие части скрыты. «Это решение ошибочно» — тезис. «Потому что срок недостижим при текущем объёме» — основание. Здесь ещё требуется показать, на чём основана оценка объёма и почему именно этот срок не выдерживает расчёт. Если всё это остаётся в голове говорящего, другому трудно проверить аргумент.

Условный человек отвечает на вопрос об основании раздражением: «Это же очевидно». Для него связь действительно может быть привычной. Но привычность связи у одного участника не делает её видимой другому. Хорошее объяснение предоставляет мост, по которому другой может пройти самостоятельно и заметить, если он сломан.

В этом есть этическая сторона, которую мы формулируем как современное применение. Если я хочу согласия другого, важно не только убедительно звучать, но и дать ему возможность отказать по содержательной причине. Аргумент, который нельзя проверить без полного доверия к моему статусу, устроен иначе, чем аргумент с открытыми основаниями.

Не всякое несогласие означает недобросовестность. Собеседник может признать наблюдение и отвергнуть общее правило; принять правило и усомниться в применении; указать, что новый факт меняет результат. Эти ответы требуют разных уточнений. Если мы называем их одним словом «сопротивление», то перестаём понимать, где именно разошлись.

Публичная форма аргумента полезна не потому, что гарантирует согласие, а потому, что позволяет несогласию стать определённее. Тогда спор работает с мыслью, которую можно изменить, а не только с личностями участников.

Есть ещё способ испытать мысль: временно принять её и рассмотреть следствия. В ньяе тарка помогает праманам, но не считается отдельным самостоятельным источником определённого знания. Дасти, §1b.iv. Здесь особенно важно различие между устранить слабый ответ и установить сильный. Опровержение одного объяснения ещё не доказывает любое другое.

В условном споре о сроках один участник утверждает: «Любую задачу такого объёма можно выполнить за день». Другой предлагает принять правило и посмотреть, совместимо ли оно с уже известными ограничениями. Если нужны два последовательных этапа по одному дню, правило вступает в конфликт с признанными условиями. Его следует уточнить. Но отсюда не получается точный срок всего проекта: для этого всё ещё нужны сведения о других этапах.

Такой ход полезен именно своей ограниченностью. Он может показать, где утверждение требует невозможного сочетания условий, или почему сомнение держится на слишком

сильном предположении. Но если исходные ограничения спорны, собеседник имеет право оспорить и их. Сила проверки зависит от того, насколько основания действительно общие, а не от способности говорящего построить эффектный парадокс. Возможность возражения возвращает нас к источникам знания.

8. Ньяя и современная наука: связь не равна тождеству

Ньяя ценит обоснование, обсуждает ошибки и защищает реальность познаваемого мира. Но её нельзя задним числом объявить современной экспериментальной наукой. В ней рассматриваются нематериальное Я, освобождение и аргументы об Ишваре. Филлипс связывает индийские теории знания с метафизическими обязательствами школ; Дасти показывает религиозный горизонт ньяи. Филлипс, введение и §1.3; Дасти, §3.

Здесь нужно различить три вопроса. Использует ли традиция аргументы? Да, это видно из текстов. Совпадают ли её аргументы с современными исследовательскими процедурами? Для такого ответа требуется конкретное сравнение. Подтверждены ли её метафизические выводы современными данными? Этот вопрос нельзя решить ссылкой на любовь традиции к рассуждению.

Современные науки также не составляют единственного простого списка действий: эксперимент, наблюдение, моделирование и историческое исследование имеют разные условия. Но они нуждаются в собственных методах проверки, которыми древняя классификация не заменяется. Чтобы оценить медицинское утверждение, недостаточно назвать его выводом или свидетельством. Требуются данные и исследовательская процедура, подходящие к этому утверждению.

Обратное искажение — видеть религиозный горизонт и заключать, что в тексте вообще нет рационального содержания. Философский довод можно анализировать независимо от того, принимаем ли мы конечную цель автора. Мы способны признать сильное различение свидетельства и личного наблюдения, не согласившись со всей его метафизикой.

Такое чтение сохраняет обе стороны исторической традиции. Мы не награждаем её современной научной лицензией за созвучные слова и не лишаем её аргумента потому, что она говорит о религиозной цели. Вопрос становится точнее: какую мыслительную работу выполняет данный фрагмент и как далеко позволяют идти его основания?

9. Что это значит на практике

Можно добровольно взять одно значимое, но безопасное для обсуждения утверждение: «Человек не хочет сотрудничать», «Этот вариант не работает», «Все поддерживают решение». Затем написать рядом путь к нему: я наблюдал, вывел, узнал через сравнение или получил сообщение. Это современная редакционная схема, вдохновлённая четырьмя средствами, а не полная практика ньяи.

Если основание смешанное, полезно не насильно выбирать один пункт. Например: «Я видел две отмены встречи и слышал прямое сообщение о нехватке времени; отказ от проекта — пока мой вывод». Такая запись содержит больше определённости, чем просто «я знаю». Она показывает, что уже доступно и чего ещё нет.

Следующий вопрос: какое новое сведение действительно изменит заключение? Если при любом возможном ответе человек будет считать партнёра недобросовестным, возможно, уточнение выполняет другую задачу — получить подтверждение уже принятой оценки. Это не диагноз, а повод посмотреть на устройство собственного вопроса.

Наконец, можно подобрать действие соразмерно знанию. При установленном отказе — менять план. При серьёзном предположении — готовить резерв и уточнять. При слабом слухе — не распространять его как факт. Действия не обязаны ждать абсолютной достоверности, но их масштаб и обратимость полезно связывать с пределами сведения.

Если упражнение превращается в допрос себя или других, его можно прекратить. Не каждый дружеский рассказ требует протокола. Особенно важно учитывать право собеседника не раскрывать подробности. Отсутствие доступа к сведению остаётся неизвестным; оно не доказывает удобный нам ответ.

10. Более точное знание сохраняет возможность обновления

В нашем условном чате мог выясниться отказ, перенос или неясность. Любой из этих результатов лучше первоначальной общей уверенности, если теперь понятны его основания. Ньяя предлагает серьёзно отнестись к пути, которым познание возникает, и к различию между действительным источником и его видимостью.

Для современного читателя это означает право на разные по силе формулировки: «я видел», «мне сообщили», «я предполагаю», «сведения конфликтуют», «пока неизвестно». Они не выражают интеллектуальную слабость. Они позволяют следующему сообщению исправить картину без необходимости защищать прежнюю уверенность любой ценой.

Можно ошибиться после добросовестной проверки. Но такая ошибка оставляет путь к исправлению: найти сбой источника, границу вывода или утраченное условие. Голая уверенность этот путь скрывает. Именно поэтому спокойный вопрос о происхождении знания иногда полезнее ещё одного сильного заявления.

Мы не обязаны стать последователями ньяи, чтобы уважать поставленную ею проблему. Знание приходит различными путями, и каждый путь имеет условия. Внимание к этим условиям помогает нам говорить определённее, доверять предметнее и оставлять собственной мысли возможность встретиться с новым фактом.

Использованные источники

1. Matthew R. Dasti. Nyāya. Internet Encyclopedia of Philosophy. §1a,b,d,f и §3: праманы, свидетельство, сомнение, реализм, религиозные цели. Включает прочитанные первичные фрагменты «Ньяя-сутр» I.1.4–7 и Ватсьяяны; это чтение через академическое изложение.

2. Stephen Phillips. Epistemology in Classical Indian Philosophy. Stanford Encyclopedia of Philosophy, редакция 2024. Введение, §§1.1,1.3,6,7.1: происхождение знания, технический смысл праманы, различия школ.

3. G. Vedaparayana. The nyāya system. INFLIBNET, Indian religion and philosophy, гл.9. §4: вьяпти и пятичастный публичный аргумент.

4. Victor A. van Bijlert. *Nyāya Sūtra — on Philosophical Method: Sanskrit Text, Translation, and Commentary*. Routledge, 2024, с.13, сутра I.1.3. Издательский ознакомительный PDF. Непосредственно проверен перечень четырёх праман; современный перевод не цитируется.